

ANDREW K.

МИРВАЛД

18+

ANDREW K.

Мирвальд

«Автор»

2026

К. А.

Мирвальд / А. К. — «Автор», 2026

В Мирвальде у каждого своя дорога. Кто-то уходит на юг, к торговым трактам. Кто-то служит в столице, где магия — обычное дело. А кто-то просто идёт за зверем в чащу, и никто не знает, что случится. Но однажды дорога приводит не туда, куда ты планировал. В лесу появляется то, чего там быть не должно. И тот, кто пошёл за добычей, возвращается совсем другим — или не возвращается вовсе. Всё, что у тебя осталось — это лук пропавшего отца. Твоё выживание зависит только от тебя самой.

© К. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

ANDREW K. Мирвальд

Глава 1

Своё имя Дибби любила. Оно было коротким и хлёстким, как удар тетивы. У неё не было звучной фамилии или богатого наследства на просторах Верданиши — огромного зелёного континента дикого мира Мирвальд. Всё её имущество состояло из поношенного плаща да старого тисового лука, оставшегося от отца-зверолова, пропавшего в Чащобе три зимы назад.

После исчезновения отца за Дибби приглядывал старик Бран — местный травник. Он безупречно знал лес: какой корень может унять лихорадку, а какая ягода спасёт от голода. Бран никогда не оставлял Дибби в беде и всегда делился скромными запасами, но девушке исполнилось шестнадцать. Ей претило быть обузой для старого друга её отца. Она твёрдо решила: пора зарабатывать самой. Пора доказать себе и Брану, что лук в её руках — это не просто память об отце, а оружие, способное прокормить.

Но этой осенью лес стал стремительно меняться. Звери почему-то уходили глубже в чащу, дичали, добычи у деревни почти не осталось, а голод подступал к самому горлу. Именно поэтому сегодня Дибби решила пойти так далеко на север, к самым подножиям суровых горных хребтов Острума.

Она замерла у ручья. Пальцы в протёртой кожаной перчатке натягивали тетиву. В тридцати шагах настороженно повёл пятак бурый вепрь. Настоящий монстр приграничья — огромный, с жёсткой щетиной.

В кармане Дибби сиротливо звякали последние три медные монеты. Ей нужен был этот трофей. Нужен был этот первый самостоятельный шаг.

Вдруг вепрь дёрнулся. Времени не осталось. Дибби затаила дыхание, мир вокруг сузился до одной уязвимой точки зверя. Пальцы разжались. Тетива певуче хлопнула, и стрела со свистом ушла в сырой воздух.

Костяной наконечник с влажным хрустом вонзился точно в основание правого уха вепря, уйдя глубоко в слуховой канал. Зверь оглушительно, противоестественно завизжал, взметнув копытами тучу брызг и жидкой грязи. Рана причинила ему страшную боль, но не убила. Дикий кабан яростно мотнул головой, ломая камыши, и его налитые кровью маленькие глаза уставились прямо на дуб, за которым пряталась Дибби. Секундное замешательство — и туша весом под два центнера, взрывая землю, рванулась прямо на неё.

Сердце Дибби ушло в пятки. Дерево было слишком старым, его нижние ветки располагались высоко, и запрыгнуть на них на глазах у несущегося тарана она просто не успевала. Страх парализовал на долю секунды, но инстинкт выживания оказался сильнее.

— Дура! — мысленно выругала она себя, попытка выбрать противника не по силам выглядела глупо.

Когда до трещащих клыков оставалось всего несколько шагов, Дибби, мёртвой хваткой сжимая лук в кулаке, рванулась в сторону и плашмя покатила в колючие заросли ежевики. Мелкие шипы мгновенно разодрали кожу на щеке и ладонях. Секундой позже кабан с глухим, страшным треском врезался в дубовый ствол. Дерево содрогнулось, сверху посыпалась увядшая листва, но удар пришёлся по касательной — кабан пропорол боком куст ежевики, подмяв Дибби под себя.

Раздался отчётливый, сухой хруст. Тяжёлое копыто наступило на тисовое дерево.

— Нет! — вырвалось у Дибби вместе со сдавленным выдохом. Боль от ушиба обожгла рёбра, но страх за лук отца оказался сильнее. Она увидела, что драгоценное дерево расколосось надвое.

Кабан оглушительно захрипел прямо над ней, дезориентированный ударом о дуб. Его вонючее, горячее дыхание обдало её лицо. Зверь уже разворачивал массивную морду, чтобы дотоптать девчонку. Времени на слёзы не было. Из оружия остался только старый охотничий нож на поясе, но пробить им толстый череп в упор у неё не хватило бы сил.

Тогда Дибби закричала от ярости и отчаяния. Так и не выхватив клинок, она обеими руками ухватилась за оперение стрелы, торчащей из уха вепря. Навалившись всем своим весом, она изо всех сил толкнула древко вперёд и вбок, забивая костяной наконечник глубже.

Стрела с хрустом преодолела тонкую кость внутри черепа. Вепрь издал короткий, захлёбывающийся хрип. Его глаза мгновенно остекленели, ноги подкосились, и огромная туша рухнула боком прямо в грязь, едва не придавив Дибби окончательно. Зверь судорожно дёрнул копытами по инерции и затих. Вода в ручье медленно окрашивалась в багровый цвет.

Дибби лежала в ежевике, тяжело дыша. На её щеке запекалась кровь из царапин, одежда была покрыта грязью, а рядом, в окровавленной траве, лежали две половинки сломанного тисового лука.

Лес не прощал долгих слёз. Дибби знала это так же чётко, как и то, что сырой запах крови уже начал расползаться по округе, смешиваясь с туманом, выползающим из низин Острума. Если она просидит здесь ещё немного, оплакивая лук, то сама станет лёгкой добычей для тех, кто покрупнее этого вепря.

Девушка глубоко вздохнула, яростно потеряв лицо рукавом плаща, размазывая по щекам грязь и засохшую кровь. Взгляд её стал холодным и сосредоточенным. Она аккуратно убрала половинки отцовского лука в заплочный мешок — выбросить их здесь, в грязи, не поднялась бы рука. Затем Дибби поднялась на ноги, преодолевая ноющую боль в отбитых рёбрах, и уверенно вытащила с пояса охотничий нож.

Двухсоткилограммовая туша казалась неподъёмной горой, но Дибби точно знала, что делать. Тащить всё мясо в деревню в одиночку было безумием — она просто сорвёт спину на первой же миле. Нужно было брать только то, что имело настоящую ценность.

Она присела перед затихшим зверем и точным, привычным движением вогнала клинок. Клыки — крупные, загнутые, без сколов — Дибби вырезала в первую очередь. За них торговец в таверне мог дать добрый десяток серебряных монет.

Затем настал черёд шкуры. Работа в колючих кустах была грязной и изнурительной. Пальцы быстро онемели от липкой крови, но Дибби упрямо пластовала жёсткий бурый мех, стараясь не повредить его ножом. Напоследок она отсекла увесистый кусок вырезки — этого мяса им со стариком Браном точно хватит на несколько дней.

Когда Дибби наконец закончила и туго увязала добычу кожаным инуром, сумерки уже окончательно сгустились над ручьём. Её заплочный мешок стал ощутимо тяжелее, а руки подрагивали от усталости. Дибби бросила последний взгляд на остов кабана. Первый шаг к независимости был сделан, но цена оказалась слишком высока.

С каждым шагом мешок, пропитавшийся кабаньей кровью, казался всё тяжелее. Дибби шла быстро, насколько позволяли усталость и ноющие рёбра, но ночь у подножия Острума падала на лес стремительно, словно тяжёлый чёрный занавес. Вековые кроны деревьев смыкались над головой, пряча остатки закатного неба. Глухая чаща вокруг наполнялась чужими, пугающими звуками: треском сучьев, шорохами в густом подлеске и далеким, тоскливым воем, от которого волосы на затылке вставали дыбом.

Идти к деревне в такой темноте, да еще и с сырым мясом за спиной, было чистым безумием. Хищники уже вышли на охоту, а у неё на поясе остался лишь короткий нож.

Ей нужно было укрытие. Срочно.

Прижимаясь спиной к массивным стволам, Дибби лихорадочно озиралась по сторонам. Удача улыбнулась ей, когда луна наконец пробилась сквозь тучи, осветив крутой скалистый склон чуть левее ручья. Там, среди переплетенных корней старой сосны, чернел узкий зев небольшой расщелины. Это была не глубокая пещера, где мог обитать медведь или лютоволк, а скорее тесный каменный карман, куда крупный хищник просто не пролезет.

Дибби буквально втиснулась внутрь, сбросила тяжелый мешок и завалила узкий вход несколькими толстыми сучьями и крупными камнями. Внутри пахло сухой землей и хвоей.

Сжавшись в комок в глубине расщелины и подтянув колени к подбородку, она положила руку на рукоять ножа. Первую ночь своей новой, независимой жизни молодая охотница встречала в полной темноте, прислушиваясь к шагам дикого леса прямо за стеной из веток.

Глава 2

Дибь проснулась не от шума. Она проснулась от чужой боли.

Это было странное, пугающее чувство, какого она не испытывала никогда в жизни. В груди, прямо под рёбрами, вдруг горячо и болезненно кольнуло. Сердце забилося в бешеном, рваном ритме, а в голове завертелся вихрь из чужого страха, паники и отчаяния. Ощущение было настолько осязаемым, будто кто-то невидимый звал её по имени, умоляя о помощи.

Девушка тяжело задыхалась, прижимая ладонь к груди. Обычный человек посчитал бы это кошмаром, но Дибь, выросшая в лесу, интуитивно поняла: это не её страх. На расстоянии нескольких сотен шагов от неё прямо сейчас погибало живое существо. И какая-то неведомая сила — её собственное, внезапно ожившее охотничье чутьё — намертво связала её с этим гибнущим сознанием.

Остаться в укрытии стало невыносимо. Чужая паника жгла изнутри, требуя действия.

Дибь стиснула зубы, преодолевая слабость в теле. Смеркалось, но отступать было поздно. Сжав в руке верный охотничий нож, она осторожно отодвинула сучья и выбралась из расщелины в холодную ночную сырость.

Она шла вслепую, ведомая лишь этим внутренним компасом боли. Ночной лес Острума вокруг казался мёртвым: ни шороха птиц, ни стрёкота насекомых. Воздух сделался плотным, пахнущим гнилой хвоей и чем-то химически-острым, от чего першило в горле. Эта сила буквально выживала всё живое из чащи.

Дибь миновала каменную осыпь и углубилась в полосу бурелома. Именно здесь, у корней поваленной старой ели, её внутреннее чутьё взорвалось острой вспышкой. А в следующую секунду сквозь гнетущую тишину прорезался реальный звук.

Жалобный, захлёбывающийся писк. На ковре из пожухлого мха, зажатый между массивными корнями, лежал маленький комочек — детёныш дымчатого барса, обитающего на скалистых уступах Острума. Его серая пятнистая шерсть была взъерошена, а крохотные когти беспомощно царапали воздух.

Но котёнок был не один. Из темноты за поваленным стволом на него медленно надвигалось нечто, чьи очертания едва угадывались в лунном свете, но от чего веяло чистым, противостоестественным ужасом...

Тварь, надвигавшаяся на малыша, не была зверем Вердании. Отец никогда не рассказывал о таких на привалах, да и Бран в своих травяных сборах не сталкивался ни с чем подобным. Это был Каркот — порождение чуждой, мертвой мглы, соткавшееся прямо из ночной сырости и гнили.

У существа не было четких очертаний тела. Оно выглядело как оживший сгусток иссиня-черного тумана, сквозь который проступали уродливые, костлявые суставы и длинные, похожие на сухие ветви лапы. Каркот двигался беззвучно, но земля под его конечностями мгновенно чернела, а мох рассыпался в серую пыль. Из того места, где у живых существ должна быть голова, струился яркий огненный свет.

Дибь замерла, парализованная инстинктивным ужасом. Разум кричал, что нужно бежать назад к расщелине, забаррикадироваться и молиться до рассвета. Сражаться с этим кошмаром обычным охотничьим ножом было чистым самоубийством. Она не знала, как ранить туман.

Но внутри её груди по-прежнему бешено стучало чужое, крохотное сердце. Ментальная связь с котёнком барса жгла каленым железом. Малыш издал последний, едва слышимый писк, когда костлявая лапа Каркота зависла прямо над его головой.

Времени на размышления не осталось. Дибби закричала — дико, отчаянно, заглушая собственный страх.

Она не пошла в бой. Вместо этого девушка сделала резкий, взрывной рывок вперед. Пролетев три шага, она в падении проехала коленями по мокрой хвое, сгребла пушистый дымчатый комок в охапку и прижала к своей груди. В ту же секунду над её головой со свистом пронеслась ледяная лапа Каркота, обдав затылок запахом тлена и могильного холода.

Не выпрямляясь, Дибби перекатилась через плечо, вскочила на ноги и, тяжело вскидывая воздух легкими, бросилась бежать назад сквозь бурелом, не разбирая дороги. Котёнок в её руках мелко дрожал, вжавшись в поношенный плащ, а сзади, ломая вековые ветви елей, с металлическим шуршанием разворачивалась разгневанная тварь.

Лёгкие Дибби горели так, словно в них плеснули кипятка. Она бежала сквозь ночной лес, напрягая последние силы, намертво прижимая к груди дрожащего дымчатого барса. Позади, ломая ветви и выжигая мох, скрежетал Каркот. Тварь не отставала — её холодное, гнилостное дыхание уже касалось затылка девушки, а алые языки света выхватывали из темноты стволы деревьев, создавая еще более пугающие тени.

Дибби споткнулась о торчащий корень и кубарем полетела на землю, успев в последний момент перевернуться, чтобы зацелить котёнка своим телом. Каркот соткался над ней чёрной туманной глыбой. Из его костлявой пасти вырвался рваный хрип, и длинные лапы потянулись к её лицу.

Дибби зажмурилась, выставив вперед нож.

Вспышка!

Ночь вокруг на секунду взорвалась ослепительным серебряным сиянием. Раздался громкий свист разрезаемого воздуха, а следом — яростный, шипящий визг Каркота. Дибби открыла глаза и увидела, как между ней и чудовищем стоит высокая фигура в сером походном плаще.

В руке незнакомца горел массивный обоюдоострый клинок, покрытый пульсирующими светящимися рунами. Именно эта магия заставила Каркота пятиться, оставляя в воздухе клочья чёрного дыма.

— Назад, отродье! — глухо, но уверенно произнёс мужчина.

Он сделал широкий взмах мечом в сторону, где у твари должна быть голова. Клинок, усиленный магией рун чистого света, с громким хлопком буквально растворил монстра. Туманное тело Каркота превратилось в едкую, пахнущую гарью жидкость, которая с шипением впиталась в землю. Через пару секунд от чудовища не осталось ничего.

Мужчина тяжело выдохнул, руны на его оружии медленно угасли, и он обернулся к Дибби. Из-под глубокого капюшона на неё смотрели усталые, но цепкие глаза зрелого воина.

— Вставай, малюшка. Сидеть на голой земле, когда сквозь Острум лезет такая дрянь — плохая идея, — сказал он, протягивая ей крепкую руку в латной перчатке.

— Спасибо, — только и смогла ответить охотница.

— Нам нужно укрытие, — мужчина начал осматриваться. — Неизвестно сколько их еще может быть, они обычно появляются ночью, а размахивать этим мечом не так просто да и нужно много концентрации.

— Здесь есть недалеко мое укрытие, — Дибби указала в сторону, откуда прибежала. И они осторожно пошли.

Сидя в укрытии, Дибби бережно поглаживала серую шёрстку спящего барса, который с удовольствием отведал кусочек свежесдобытой свинины.

Охотница всматривалась в лицо своего спасителя. Вопросов было слишком много, но она не знала, с чего начать.

— Ты ведь никогда не видела Каркотов, верно? — нарушил тишину мужчина, заметив её взгляд. — Не удивительно. Они не заходят так далеко на юг Вердании. Пока не заходят.

— Что это за твари? — тихо спросила Дибби. — Они пахнут гнилью. Из-за них уходят звери?

— Из-за них, — хмуро кивнул патрульный. — Каркоты — это падалычики изнанки мира. Сами по себе они не рождаются. Они появляются там, где земля начинает умирать, где пробивается Скверна. Они высасывают из леса жизненные соки. Обычные животные чувствуют эту мертвечину за много миль и бегут без оглядки. А те, кто не успел сбежать... Каркоты выпивают их досуха, оставляя лишь прах. Раньше их были единицы на весь мир, но теперь мы все чаще видим их появление и еще не понимаем, что явилось причиной столь массового нашествия.

Он посмотрел на её сломанный тисовый лук, торчащий из мешка.

— Против них обычное железо и дерево бессильны, — мужчина хмуро взглянул на расколотый лук. — Тут нужно то, что скрыто внутри человека. Наша истинная суть, наши способности, сайны. Мой орден патрулирует эти границы уже год, пытаюсь сдержать натиск тварей. То, что Каркот вышел к этому ручью, значит одно — барьер истончается. И скоро простым людям в деревнях придётся либо бежать, либо учиться сражаться. Кстати меня зовут Диртан.

Диртан перевёл взгляд на маленького барса, который во сне доверчиво уткнулся носом в ладонь Дибби.

— Но вот что странно... Как ты узнала, что этот малый в беде? Ты просто не смогла бы отсюда его услышать... Разве что, в тебе тоже просыпается свой сайн.

Дибби растерянно опустила глаза, вспомнив ту странную, горячую боль в груди, которая выгнала её из тёплого убежища прямо в лапы к чудовищу...

Глава 3

Сон сморил Дибби внезапно, едва она опустила голову на свёрнутый походный плащ. Организм, истощённый безумным днём, тяжёлой схваткой с вепрем и ночным бегством от черной туманной твари, просто отказался подчиняться. Ей казалось, что она провалилась в бездонную сухую яму, где не было ни звуков, ни Каркотов.

Утро ворвалось в расщелину резкими, косыми лучами солнца, пробравшимися сквозь наваленные у входа ветви ежевики. Костёр давно прогорел, оставив после себя лишь горстку сизого пепла и едва уловимый дымный запах. Дибби резко села, шумно втянув воздух ноздрями, и её правая рука инстинктивно метнулась к поясу — туда, где висел охотничий нож.

Страх отпустил не сразу, а лишь когда ладонь наткнулась на что-то мягкое и пушистое. Рядом с её бедром, свернувшись плотным серым клубком, мирно сопел дымчатый барс. Котёнок смешно подёргивал лапами во сне, словно всё ещё куда-то бежал. Странная, давящая боль в груди Дибби, которая ночью едва не свела её с ума, теперь утихла. Вместо неё от спящего малыша шло едва уловимое, ровное тепло — смесь сытости, покоя и слепого детского доверия. Накануне вечером, перед тем как уснуть, она успела отрезать ему крохотный лоскут от сочной вырезки вепря и, судя по чистой шёрстке на мордочке, барс отведал свинину с огромным удовольствием.

Дибби осторожно поднялась, стараясь не потревожить зверя. Каждое движение отзывалось тупой, ноющей болью в рёбрах — ушиб от падения обещал напоминать о себе ещё долго.

Диртан уже не спал. Высокий воин сидел у самого выхода на залитом солнцем камне и лениво протирал суконной ветошью массивные наручи. Огромный обоюдоострый меч покоился у его колена. Руны на лезвии, ночью ослеплявшие серебряным сиянием, сейчас казались просто глубокими, потемневшими царапинами на старой стали.

— Проснулась, соня? — не оборачиваясь, глухо промолвил воин. Его голос спросонья звучал ещё более хрипло. — Собирайся. Днём эти твари под солнце не полезут, но нам обоим нужно успеть до темноты. Мой маршрут лежит дальше на север, вдоль каменистых хребтов Острума, а тебе с твоим грузом предстоит долгий путь назад, к равнинам.

Дибби смолчала, увязывая заплечный мешок. Шкура вепря за ночь подсохла и стала жёсткой, а две половинки отцовского тисового лука, торчащие из кармана мешка, резали взгляд тупой тоской.

— Послушай, малявка, — Диртан встал во весь рост, заставив ремни тяжёлого доспеха сухо скрипнуть. Он убрал ветошь и закинул меч за спину. — В тебе просыпается сайн. Ты сама это чувствуешь, даже если боишься признать. Без обучения ты либо погибнешь в первом же буреломе, либо тебя выпьет досуха следующий Каркот, которого ты не успеешь заметить. Я предлагаю тебе пойти со мной в столицу Вердани, город Элириум. У нас есть мастера, книги, полигоны. Нас учат подчинять и развивать эту силу, превращая её в оружие. Сейчас ордену как никогда нужны люди. Пойдём. Из тебя выйдет отличный следопыт.

Дибби замерла, удерживая в руках заснувшего барса. Перспектива оказаться в столице, о которой только слышала, получить новое оружие и узнать, что за сила бурлит в её венах, манила с невероятной силой. Но перед глазами встало лицо старика Брана. Травник ждал её в полузаброшенной лачуге. Он делился с ней последним хлебом не для того, чтобы она сбежала со случайным рыцарем при первом же удобном случае. Она обещала себе встать на ноги сама. Начать жизнь с побега в чужую цитадель казалось слабостью.

— Нет, — Дибби твёрдо качнула головой, глядя прямо в усталые глаза воина. — Спасибо тебе, Диртан. За всё. Но я не могу. Меня ждут дома, и я должна вернуться.

Патрульный внимательно взгляделся в её лицо, словно пытался отыскать там сомнение или девчоночий испуг. Но упрямый, резаный взгляд молодой охотницы заставил его лишь тяжело вздохнуть.

— Человеческое упрямство порой прочнее закалённой стали, — мужчина с досадой усмехнулся, полез в походный подсумок на поясе и выудил оттуда небольшой, тускло мерцающий бирюзовый кристалл размером с крупную лесную ягоду. — Возьми. Это одноразовый камень связи. Он настроен лично на мою руническую метку. Если Скверна подступит к твоей деревне или ты поймёшь, что хочешь узнать больше о сайнах — просто сожми его в кулаке и раздавь. Я найду тебя.

Дибби аккуратно приняла кристалл. Камень оказался удивительно прохладным, несмотря на яркое солнце, а внутри него лениво переливалась живая бирюзовая искра. Проснувшийся барс мгновенно насторожился: он вытянул шею, смешно повёл носом возле ладони Дибби и тихо чихнул — магия явно щекотала ему ноздри. Охотница бережно спрятала артефакт в глубокий внутренний карман своего потертого плаща, поближе к сердцу.

— Спасибо, Диртан. Я сохраню его, — тихо пообещала она.

— Ну, пошли на воздух. Посмотрим, не заждался ли меня мой приятель, — Диртан махнул рукой, увлекая её наружу.

Они осторожно выбрались из расщелины и пошли по узкой каменистой тропе, огибающей склон. При дневном свете Дибби окончательно поняла, от чего её спас патрульный. Та поляна, где ночью орудовал Каркот, выглядела жутко: некогда зелёный пышный мох превратился в серую, крошащуюся под сапогами пыль, а корни старой ели были покрыты липкой, чёрной копотью, от которой всё ещё шёл едва заметный пар. Лес вокруг стоял мёртвым и притихшим, словно природа Вердании всё ещё зализывала ночные раны.

Через десять минут ходьбы тропа вывела их на широкий, открытый всем ветрам скалистый уступ. Далеко внизу расстиралось бескрайнее зелёное море приграничных лесов Мирвальда, уходящее к самому горизонту. Воздух здесь был кристально чистым.

Диртан остановился у самого края обрыва, где камни обрывались вертикально вниз, приложил два пальца к губам и издал оглушительный, пронзительный свист. Звук эхом покатился по ущельям Острума. Прошло не больше минуты, как из-за ближайшего пушистого облака, золотящегося на утреннем солнце, камнем устремилась огромная крылатая тень.

С оглушительным хлопком мощных перьев на скалу приземлился величественный грифон. Его передняя, орлиная часть была покрыта сталью-серым глянцевым пером, а массивное львиное тело перекачивалось от натренированных мышц под гладкой шерстью. На спине хищника крепилось тяжёлое кожаное седло, окованное темной бронзой.

Котёнок барса испуганно вжался в ногу Дибби, вздыбил серую шерсть и забавно, но отчаянно зашипел на огромного монстра. Сама Дибби тоже затаила дыхание — такой первобытной мощи она ещё никогда не видела на расстоянии вытянутой руки.

Диртан уверенно закинул ногу, устраиваясь в седле, перехватил кожаные поводья и в последний раз обернулся к охотнице:

— До встречи, Дибби. Береги кошака. И себя не подставляй.

— Кто это? — с восторгом проговорила охотница.

— Это грифон, орел с телом льва, мы их разводим у себя. Только офицеры ордена могут их призывать, хозяина они услышат за несколько миль. Грифоны не всесильны, поэтому ночью они либо сидят в высоких горах, либо кружат, ожидая зова хозяина, но иногда и могут помочь в бою, но против Каркота клыки и клюв не подойдут.

С последними словами Диртан потянул поводья на себя.

Грифон издал яростный, клёкочущий крик, от которого заложило уши, мощно оттолкнулся четырьмя лапами от каменного плато и взмыл ввысь. Буквально за три взмаха огром-

ных крыльев он поймал восходящий поток воздуха и превратился в крохотную точку на фоне бескрайней лазури Мирвальда .

Дибби осталась стоять на уступе совершенно одна. Ветер, пахнувший горной свежестью, яростно трепал полы её плаща. Она поправила потяжелевший мешок со шкурой вепря, крепче прижала к себе притихшего дымчатого барса и уверенно шагнула на тропу, ведущую вниз — домой, к старику Брану.

Она шла, а в мыслях уже крутился вихрь из сотен вопросов. Дибби понимала, что эта дорога назад будет долгой, но ещё дольше будет их ночной разговор у очага. Ей нужно было столько всего рассказать травнику и о стольких вещах спросить. О таинственной Изнанке, о жутких Каркотах, пожирающих леса, о загадочных сайнах, которые внезапно просыпаются в простых людях, и о далёкой сияющей столице Элириуме — обо всём том огромном, пугающем и прекрасном мире, о котором в их глухой приграничной деревне никогда и никто даже не слышал.

Глава 4

Дорога к дому заняла весь день, но Дибби шла в приподнятом настроении. Солнечные лучи пробивались сквозь кроны деревьев Вердании, а за спиной приятно давил тяжёлый мешок. Внутри него лежала шкура огромного вепря и его загнутые клыки — товар, который должен был принести им с Браном целое состояние. Но самым главным её сокровищем был маленький дымчатый барс. Котёнок быстро освоился, перестал шипеть и теперь тихо дремал в складках её плаща, мерно посапывая в такт шагам. Дибби улыбалась. Она чувствовала себя победительницей.

Однако хорошее настроение улетучилось, стоило ей выйти на опушку перед родной деревней.

Вокруг стояла неестественная, тревожная суматоха. На пригорке у загонов толпились хмурые мужчины с вилами, а женщины тихо переговаривались, прижимая к себе испуганных детей. Подойдя ближе, Дибби похолодела. Прочная изгородь общего загона была буквально разнесена в щепки, словно по ней ударил таран. На вытоптанной земле виднелись следы глубоких когтей, а трава вокруг была покрыта той самой серой, крошащейся пылью, которую Дибби видела утром на мёртвой поляне. Две овцы из стада старосты лежали неподвижно, их тела выглядели иссохшими, будто из них выпили всю жизнь. Скверна добралась до её дома.

— Дибби! — раздался впереди знакомый, надрывный голос.

Из толпы, прихрамывая и опираясь на суковатую палку, быстро шёл старик Бран. Лицо старого травника было бледным, под глазами залегли тёмные тени — он явно не сомкнул глаз эту ночь.

— Дедушка! — крикнула Дибби, сбросив тяжёлый мешок, и со всех ног бросилась к нему.

Она с разбегу обняла его за шею, крепко зажмурившись. Бран судорожно прижал её к себе единственной рукой, его плечи мелко дрожали от пережитого страха.

— Глупая девчонка, — глухо прошептал он ей в волосы. — Ты не вернулась к ночи... Я думал, Чащоба забрала тебя, как и твоего отца. В лесу творится что-то страшное, на деревню напали...

— Я жива, дедушка, всё хорошо, — Дибби отстранилась и бережно подняла с земли свою ношу. — Пойдём в лачугу. Мне нужно столько всего тебе показать и рассказать.

Оказавшись за надёжной дубовой дверью их маленького дома, Дибби наконец смогла перевести дух. Она аккуратно развязала кожаные шнурки и вывалила на старый деревянный стол свой улов. Жёсткий бурый мех вепря-секача занял почти всё пространство, а на него с глухим стуком легли массивные, острые клыки. Из глубин плаща тут же высунулась любопытная серая мордочка. Детёныш барса удивленно повёл ушами и запрыгнул на столешницу, принимаясь обнюхивать сушёные пучки трав Брана.

Старик ошеломлённо переводил взгляд с огромной шкуры на живого лесного хищника. Он осторожно коснулся пальцами клыков, а затем посмотрел на две половинки расколотого тисового лука, которые Дибби тоже молча положила на край стола.

— Ты завалила секача... в одиночку? — Бран медленно покачал головой, не веря собственным глазам. — И притащила горного барса? Дибби, как ты выжила в эту ночь?

Дибби присела на скамью, чувствуя, как к горлу подкатывает волна волнения.

— Ночью на меня напал не только вепрь, дедушка, — тихо начала она, поглаживая подошедшего к ней котёнка. — Была ещё одна тварь. Её зовут Каркот. Она соткана из чёрного дыма и гнили, а вместо головы у неё горит алый огонь. Она пришла за этим мальшом, но я... я почувствовала его страх. Прямо здесь, в груди. Меня спас патрульный ордена по имени Диртан. Он улетел на огромном грифоне, но перед этим сказал странную вещь. Он сказал, что во мне просыпается сайн. Дедушка, ты когда-нибудь слышал это слово? Что такое сайн?

Бран при звуке этого слова резко замер. Его рука, тянувшаяся к пушистой спине барса, дрогнула и опустилась. Травник тяжело вздохнул, его лицо показалось Дибби ещё более старым и измождённым, чем прежде. Он медленно прошёл к очагу, подбросил в огонь пару поленьев и повернулся к ней.

— Слышал, Дибби. К несчастью, я слышал об этом, — хмуро ответил старик. — Сайны — это метки силы, которые мир даёт избранным людям. Из тех, в ком загорается этот знак, выходят великие воины, колдуны или ловцы. Иногда, раз в несколько зим, такие молодые люди появлялись и в нашей деревне. Едва их сайн давал о себе знать, в глушь приезжали блистательные посланники из столицы Вердании. Они забирали их в город Элириум, обещая богатство, славу и обучение в великих академиях...

Бран злоеце замолчал, всматриваясь в танцующие языки пламени.

— И что с ними стало? — с замиранием сердца спросила Дибби.

— Ничего, — отрезал Бран, и его голос дрогнул от скрытой горечи. — Они уезжали в столицу, полные надежд, но почти никогда не возвращались назад. словно этот сияющий город просто стирал их из жизни, оставляя семьи ни с чем. Но один всё-таки вернулся.

Дибби подалась вперёд, едва не сбросив с коленей заснувшего барса.

— Кто он? Он в деревне? Почему я никогда о нём не слышала?

— Потому что его здесь нет, Дибби, — тихо, почти шёпотом произнёс травник, покосившись на запертую дверь. — Его зовут Ораст. Он вернулся около десяти лет назад из соседнего хутора. Но от прежнего весёлого парня ничего не осталось. Он приполз ночью, истощённый, израненный. В нём словно угасла вся жизнь, а его сайн... его сила была полностью мертва. Он не стал задерживаться среди людей, заколотил свой дом и ушёл жить отшельником куда-то на север, в Дикие скалы, к самой границе. Люди поговаривают, что он сошёл с ума. Что бы с ним ни сделали в столице, это сломало его.

Бран строго посмотрел на внучку:

— Поэтому ты должна молчать. Ни одна живая душа в деревне не должна знать, что ты почувствовала этого барса на расстоянии. Для всех ты просто наткнулась на него в кустах. Лук твоего отца расколот, шкуру вепря мы продадим, а твой сайн... пусть он спит. По крайней мере, пока ты не окрепнешь.

Дибби молча опустила глаза и коснулась пальцами мягкого уха дымчатого котёнка. Она согласно кивнула дедушке, но внутри неё уже разгоралось упрямое, чисто охотничье любопытство. «Ораст. Человек, который сбежал из столицы». Что именно лишило его сил? Она обязательно найдёт его, чего бы ей это ни стоило. Но сначала нужно было разобраться с насущными проблемами.

Котёнок на её коленях сладко потянулся, перевернулся на спину и забавно зевнул, продемонстрировав крохотные, но уже острые клыки.

— Раз уж мы теперь вместе, — прошептала она, почёсывая малыша за ухом. — У тебя должно быть имя. Будешь Сайгар, в честь свирепых горных кошек из преданий отца. Ну или маленький Сай, посмотрим еще.

Котёнок словно одобрительно мурлыкнул в ответ на имя, растягиваясь на её коленях.

— Ладно, — Бран прервал её мысли, оценивающе глядя на огромную бурую шкуру на столе. — Философией сыт не будешь, а староста и кожевник сейчас на площади. Твари Скверны ночью сильно потрепали стадо, деревне нужны ресурсы. Если мы прямо сейчас отнесём им шкуру и клыки этого секача, староста выкупит их не глядя. На эти деньги мы сможем купить тебе у заезжего купца новый лук. Пошли, а мясо нам сейчас очень пригодится, тем более что кормить нам теперь троих.

Когда Дибби и Бран вышли на деревенскую площадь, суматоха здесь и не думала утихать. Староста — грузный мужчина в богатом кафтане с меховой опушкой — стоял у разрушен-

ного загона и хмуро выслушивал пастухов. Рядом крутился местный кожевник, оценивая осматривая туши двух иссохших овец.

— Почтенный староста, — Бран, хромая подошёл ближе, Дибби следовала за ним, согнувшись под тяжестью огромного свертка. — Слышали мы про ночную беду. Лес нынче опасен. Но у нас есть то, что может поправить дела деревни.

Дибби с глухим звуком сбросила шкуру на землю перед мужчинами и рванула завязки. Бурый, густой мех вепря-секача развернулся во всю ширину. Следом она выложила на траву массивные, загнутые клыки.

Пастухи охнули. Кожевник даже присел на корточки, неверяще ощупывая невероятно плотную, прочную шкуру, на которой почти не было изъянов.

— Разрази меня гром, Бран... — староста уставился на трофей, переводя взгляд со старого травника на хрупкую шестнадцатилетнюю девочку. — Откуда у вас это? Такой секач мог половину наших пастухов на клыки поднять! Его шкура сейчас — спасение для охраны, из неё выйдут отличные защитные нагрудники на случай нового налёта.

— Лес взял своё, но и нам кое-что оставил, — уклончиво ответил Бран, помня уговор с Дибби молчать про Сайна и ночные события. — Моя внучка наткнулась на него у подножия Острума. Зверь уже был ранен, ей оставалось лишь закончить дело. Но её лук раскололся надвое.

Староста понимающе кивнул. Взамен выпитых Скверной овец деревня получала ценнейший боевой материал. Мужчина сунул руку в поясной кошель и вытащил оттуда горсть серебра.

— Здесь двадцать серебряных монет, больше не дам, потому что нет, — староста протянул деньги Брану, но тот сказал, что деньги честно заработала Дибби и подтолкнул плечом молодую девушку.

Дибби подставила ладони, в которые опустилось серебро, первый настоящий большой заработок.

— Кожевник заберёт шкуру, клыки я оставляю себе. Заезжий купец как раз стоит у постоянного двора, у него есть неплохое оружие из южных мастерских Вердании. На это серебро ты купишь себе лук, который не сломается от первого же кабана, девочка.

Она посмотрела на темнеющие вдали хребты Острума. Скверна наступала, сайны столицы скрывали мрачные тайны, а где-то там, в Диких скалах, прятался отшельник Ораст. Дибби знала: новый лук понадобится ей очень скоро.

Глава 5

Стоило Дибби и Брану вернуться с площади в прохладную тишину лачуги, как силы окончательно оставили девушку. Двадцать серебряных монет, бережно убранные в кошель, большие не казались такими лёгкими. Руки крупно дрожали, а рёбра, по которым накануне пришёлся касательный удар вепря, теперь зашились такой острой, тупой болью, что у охотницы перехватило дыхание. Она со стоном опустила на деревянную лавку, едва не выронив из рук Сайгара.

Котёнок, почувствовав состояние хозяйки, тихонько заскулил и преданно уткнулся носом в её ладонь.

— Так, горе-охотница, снимай плащ, — Бран сурово нахмурился, но в его глазах читалась искренняя тревога. Старик, хромая подошёл к своим полкам, где в идеальном порядке стояли десятки глиняных горшочков. Одной рукой он ловко плеснул в котелок колодезной воды, бросил туда горсть сухих листьев и поставил на огонь, наполняя комнату резким, горьковатым ароматом.

— Покупку лука мы отложим, — безапелляционно заявил Бран, бережно смывая засохшую кровь и грязь с исцарапанных щёк Дибби. — Заезжий купец простоит у постоялого двора ещё три дня, никуда твоё серебро не денется. А вот если ты со отбитыми рёбрами ходить будешь, никакой лук тебе не поможет. Слава силам, кости целы, просто сильный ушиб. Сейчас приложу компресс, к утру опухоль спадёт.

Дибби зажмурилась, когда прохладная мазь коснулась её разодранной кожи. Боль сперва обожгла рёбра, а затем медленно начала отступать, сменяясь приятным онемением. Её взгляд упал на угол стола, где сиротливо лежали две половинки расколотого тисового лука.

В горле внезапно встал горький, удушливый комок. Дибби до боли сжала кулаки, пытаясь сдержаться, но слёзы, которые она так упорно прятала в лесу и на площади, хлынули из глаз сами собой, оставляя чистые дорожки на исцарапанных, испачканных грязью щеках. Плечи девушки мелко задрожали.

— Прости, дедушка... — всхлинула она, и её голос сорвался на жалобный, совсем ещё детский плач. — Я не сберегла лук отца. Это была единственная вещь... единственное, что от него осталось! Я так глупо подставилась под этого вепря...

Бран на секунду замер, держа в руке тряпицу для компресса. Он повернулся, посмотрел на плачущую девочку, и его суровое лицо мгновенно смягчилось. Старик тяжело вздохнул, бережно отложил лекарство и опустился на край её кровати. Своей единственной, мозолистой рукой он осторожно прижал Дибби к себе, позволяя ей уткнуться лицом в его старое, пахнущее полыньё плечо.

— Ну-ну, поплачь, маленькая, — тихо, успокаивающе пробормотал травник, поглаживая её по взъерошенным волосам. — Хватит уже в сильную играть, натерпелась за ночь...

Он перевёл взгляд на сломанное дерево на столе.

— Твой отец брал этот лук не для того, чтобы ты хранила его под замком, Дибби. Он брал его, чтобы ты выжила. Лук защитил тебя в лесу, принял удар на себя. Считай, что твой отец вчера снова спас тебе жизнь. А дерево... дерево мы заменим. Главное, что ты вернулась.

Дибби тихо шмыгнула носом, постепенно успокаиваясь от теплых слов деда. Чужая паника и страх больше не жгли грудь, уступив место сонной, обволакивающей усталости.

Маленький Сайгар в этот момент робко высунул мордочку из складки плаща, наострил дымчатые уши и тихо фыркнул на резкий запах лечебного отвара. Он осторожно перебрался на кровать и принялся аккуратно слизывать слезинку с ладони Дибби, щекоча кожу своими крошечными усами. Бран покосился на котёнка, качая головой:

— И вот этого проглота нам теперь кормить. Ты только посмотри на него — дикий барс, а ласковый, как домашний кот. И как ты его только из леса вытащила... Ладно, ложись. Спи. Травя должна подействовать.

Утро встретило Дибя глухой, тягучей ломотой во всём теле. Компресс старика Брана сотворил маленькое чудо — острая боль ушла, сменившись тупым онемением, но рёбра всё равно недовольно отзывались на каждый глубокий вздох. Превозмогая слабость, девушка поднялась с кровати. Двадцать серебряных монет тихо звякнули в кармане плаща, напоминая о главной цели. Оставив сытого, крепко спящего в травах Сайгара под присмотром деда, она накинула капюшон и вышла на улицу.

Деревня Верданих просыпалась неохотно, умытая холодным осенним туманом. Это было небольшое приграничное поселение: два десятка покосившихся бревенчатых изб, крытых потемневшей от времени соломой и мхом. На улочках пахло сырой землёй, коровьим навозом и печным дымом. Обычно в это время здесь было шумно, но сегодня над дворами висела тяжёлая, гнетущая тишина. Жители ещё не оправились от ночного налёта. Староста хмуро расхаживал возле полуразрушенного общего загона, где плотники лениво стучали топорами, пытаясь восстановить разнесённую в щепки изгородь. Люди провожали Дибя настороженными, уставшими взглядами, но она шла мимо, пряча лицо в тени капюшона.

Постоялый двор располагался на самой окраине, у дороги, ведущей к южным трактам. Возле крыльца раскинул свой лагерь заезжий купец. Его огромная повозка, крытая плотным просмоленным брезентом, напоминала небольшой дом на колёсах. Вокруг были расставлены массивные деревянные ящики, заваленные всякой всячиной: от южных пряностей и блестящих железных кастрюль до тюков со льном и грубой обувью. Сам торговец — приземистый, круглый мужчина с цепкими, хитрыми глазками и окладистой бородой — усердно пересчитывал какие-то ремни.

— Здравствуйте, — тихо произнесла Дибя, подходя ближе. Она постаралась расправить плечи, чтобы не показывать, как ноет ушибленный бок при каждом шаге. — Подскажете, у вас можно купить лук? Хороший, южной работы. Чтобы не подвёл в лесу, если выйдет крупный зверь.

Купец окинул её быстрым, оценивающим взглядом, задержавшись на её исцарапанной щеке и простых охотничьих сапогах. В его глазах промелькнуло удивление — не часто молодые девушки приходили к нему за настоящим оружием.

— Лук? — торговец поскрёб бороду и тяжело вздохнул, недовольно прищмокнув языком. — Эх, опоздала ты, милая. Был у меня один ясневый, отличный, да его пастухи старосты ещё на рассвете перехватили. Лес-то ваши совсем с ума сошёл после ночи, все оружие скупают, защищаться думают. Из дальнего боя остались только детские самострелы на птицу да тяжёлые арбалеты, которые ты и с места не сдвинешь.

Дибя почувствовала, как внутри всё упало. Без лука она была как без рук. Двадцать серебряных монет в кармане казались теперь бесполезным грузом.

— Совсем ничего нет? — упавшим голосом переспросила она, силясь скрыть подступающее разочарование.

— Из оружия — ни единой приличной тетивы, — честно развёл руками купец, но тут же мягко прищурился, заметив, как помрачнела молодая охотница. — Но ты не вешай нос, девица. Гляжу я на твои раны... Оружие — это, конечно, хорошо, но если тебя зверюга за бок цапнет, никакой лук не спасёт. Тебе броня нужна. Простая, лёгкая, чтоб бегать в чаще не мешала.

Он подошёл к одному из ящиков и вытащил оттуда плотный, пахнущий дёгтем и дублёной кожей жилет. Это был простой кожаный доспех, искусно сшитый из широких, налегающих друг на друга полос толстой кожи, скреплённых медными клёпками. По бокам шли прочные ремни для подгонки по фигуре.

— Настоящая южная работа, — купец бережно похлопал ладонью по нагруднику. — Полосы подвижные, дышать в нём легко, рёбра защитит от любого скользящего удара или когтей. Для лесного следопыта — самое то. Отдам за семь серебряных. Чистая выгода, охотница. Подумай сама: пока нового оружия нет, этот доспех твою жизнь сбережёт.

Дибь коснулась пальцами жёстких кожаных полос. Броня была грубой, но прочной. Воспоминание о том, как тяжёлое копыто вепря едва не раздавило ей грудную клетку, всё ещё было слишком свежим. Купец был прав — без защиты в Острум сойтись самоубийство. Она решительно достала кошель и отсчитала монеты.

Забрав плотный кожаный жилет, Дибь аккуратно свернула его и прижала к груди. На душе было двоякое чувство: с одной стороны, рёбра теперь будут в безопасности, но с другой — у неё по-прежнему не было оружия, а в кошеле осталось тринадцать серебряных монет. На новый хороший лук этого могло не хватить.

Она вежливо попрощалась с купцом и повернула обратно к улочкам деревни.

Когда Дибь проходила мимо высоких деревянных сараев на окраине постоянного двора, ей на секунду показалось, что из-за угла мелькнула быстрая тень. Охотничья привычка заставила её резко обернуться, но позади были лишь старые серые брёвна да колышущийся от ветра бурьян. Девушка пожала плечами, списав всё на утреннюю усталость и недосып, и пошла дальше по узкой тропинке, петляющей между заборами.

Она почти дошла до поворота к лачуге Брана, как вдруг из-за густого куста бузины наперерез ей кто-то выскочил. Столкновение вышло коротким и резким. Дибь охнула, когда чужое плечо с силой врезалось в её ушибленный бок, отозвавшись острой вспышкой боли. От неожиданности она выпустила из рук кожаный доспех.

— Под ноги смотри! — звонкий, слегка хриплый мальчишеский голос прозвучал совсем рядом.

Перед ней на долю секунды возник паренёк лет пятнадцати, худой, растрёпанный, в грязной холщовой рубаше. Его глаза лихорадочно блестели. Дибь не успела даже прийти в себя, как цепкие, неестественно быстрые пальцы мальчишки рванули шнурок кошель на её поясе. Кожаный мешочек с серебром мгновенно исчез в его кармане.

— Стой! — крикнула Дибь, бросаясь вперёд, но ворюшка уже совершил прыжок в сторону, уходя в узкий проулок между заборами.

И тут произошло странное. Парень побежал, но с каждым его шагом его силуэт начал пугающе меняться. Очертания его тела стали размываться, одежда бледнела, словно он превращался в жидкий утренний туман. Через мгновение мальчишка стал почти полупрозрачным, сливаясь с серыми досками заборов и тенями от деревьев.

Дибь замерла на секунду, тяжело дыша. Глаза слепли, теряя размытую туманную фигуру в серых переулках. Но внутри, глубоко в сознании, внезапно проснулось совсем другое чувство. Сердце больше не щемило от боли. Наоборот, дыхание замедлилось, а зрение странным образом сфокусировалось, отсекая лишний шум переулка. Воздух вокруг стал казаться удивительно осязаемым. На фоне общей сырости Дибь внезапно и отчётливо уловила чужой шлейф — едва заметный, вибрирующий след тепла, струящийся сквозь туман в сторону старой заброшенной мельницы.

Она не просто видела направление. Её чувства, проснувшиеся в режиме преследования, заставили её тело инстинктивно сгруппироваться, напрочь глуша боль в рёбрах. Этот парень бежал, уверенный, что его магия скрывает его ото всех. Но для Дибь он сейчас пах как испуганная косуля на чистом снегу.

— Из-под земли достану... — процедила сквозь зубы Дибь и рванулась в погоню, слепо доверяя этому новому, хищному чутью, ведущему её по следу.

Глава 6

Туман над деревней неохотно расступался, пропуская летящую вперед охотницу. Бежать после вчерашнего удара вепря было настоящим испытанием. С каждым толчком ноги в ушибленный бок словно втыкали тупую раскаленную спицу. Воздуха катастрофически не хватало, легкие жгло, но Дибби упрямо стискивала зубы. Годы, проведенные в тайге с отцом, научили её тело терпеть и распределять силы. Она умела держать темп, перепрыгивая через гнилые бревна и обходя раскисшие лужи по узкой кромке травы.

Капюшон плаща давно слетел. Густые темные волосы растрепались, длинные пряди налипли на влажный от пота лоб и то и дело лезли в глаза, мешая обзору. Дибби резко, на ходу смахнула их тыльной стороной ладони, не отрывая взгляда от невидимого ориентира.

Впереди, на каменистом выступе у самой реки, высилось массивное бревенчатое здание деревенской мельницы. Огромное водяное колесо внизу мерно и тяжело шурило, зачерпывая быструю воду. Сейчас, ранним утром, здесь никого не было — мукомол, как и большинство жителей, скорее всего, всё ещё торчал на площади у старосты.

Мальчишка был чертовски быстрым. Его блеклый, полупрозрачный силуэт, который Дибби видела исключительно благодаря своему обострившемуся чутью, взлетел по ступеням крыльца. Тяжелая дверь мельницы оказалась незапертой. Парень шмыгнул внутрь, и створка захлопнулась за ним. Малец явно рассчитывал, что в полумраке рабочего амбара его магия тумана сделает его абсолютно невидимым. Он не понимал, что сам загнал себя в глухой тупик — с трех сторон здание подпирала бурлящая река, а второго выхода отсюда не было.

Дибби взлетела на крыльцо и толкнула дверь, вваливаясь в прохладу мельницы.

Внутри густо пахло свежим зерном, сладковатой мучной пылью и сухим деревом. От утреннего солнца, пробивавшегося сквозь щели в ставнях, в воздухе стояла золотистая взвесь. Внизу, под половицами, глухо поскрипывали тяжелые дубовые валы. Вокруг громоздились аккуратные ряды туго набитых мешков, готовых к отправке.

На первый взгляд зал казался пустым. Но для чувств Дибби пространство выглядело иначе. Прямо у дальней стены, за высокой горой зерновых мешков, дрожал плотный, пульсирующий сгусток тепла. Мальчишка затаился там, сжимая в руке её украденный кошель.

— Выходи, — тяжело дыша, хрипло произнесла Дибби, загораживая собой единственный выход. — Я знаю, что ты там. Отдай серебро.

В ответ на её слова из-за мешков не донеслось ни звука. Слышно было лишь мерное, глухое поскрипывание дубовых валов под полом да шум воды за стеной. Воршика затаился, надеясь, что девчонка просто блефует и не сможет отыскать его в полумраке.

Дибби сделала медленный шаг вперед, не сводя взгляда с мешков. Её инстинкты чётко фиксировали дрожащий тепловой силуэт. Скрывающее парня облако тумана начало заметно редеть и идти рябью — было видно, что чужая магия держится из последних сил.

Она сделала ещё два шага, сокращая дистанцию. Шлейф её чувств сузился до размеров одной единственной мишени.

Мальчишка не выдержал психологического давления. Его скрытность окончательно лопнула: полупрозрачный морок с тихим хлопком рассеялся, и парень проявился полностью, тяжело и часто дыша. Лицо у него было бледным, испуганным, а лоб блестел от пота. Поняв, что укрытию конец, он резко оттолкнулся от стены и, словно юркая ящерица, попытался проскочить мимо Дибби к выходу.

Но охотница ждала этого рывка. Схватившись за ремни своего нового кожаного доспеха, она резко выбросила руку вперед и намертво вцепилась в ворот его грязной холщовой рубахи. Ткань с треском натянулась.

— Попался! — выдохнула Дибби.

— Пусты! Ай, пусты, бешеная! — истошно закричал мальчишка, тут же начав яростно упираться ногами в засыпанный мукой пол. — Отвали от меня!

Он закрутился волчком, пытаясь вывернуться из её хватки, и с силой ударил локтем назад. Удар пришёлся прямо по её многострадальным рёбрам. Защитные полосы новой кожаной брони приняли основную силу толчка на себя, но Дибь всё равно ослепило острой вспышкой боли. В глазах на мгновение потемнело, пальцы едва не разжались, но упрямство пересилило — она лишь крепче перехватила воршику за плечи, наваливаясь на него всем весом и прижимая к ближнему мешку с зерном.

— Кошель верни, паршивец! — прохрипела она ему прямо в ухо, тяжело дыша от боли и усталости.

Парень замер, плотно прижатый спиной к тугому мешку с зерном. Белая мучная пыль, потревоженная их потасовкой, медленно кружилась в золотистых лучах утреннего света, оседая на его растрепанных волосах и плечах Дибь. Снизу, из-под пола, доносился тяжёлый, мерный гул водяного колеса и глухой стук дубовых валов, который заглушал их тяжёлое дыхание.

— Отпусти, — сквозь зубы процедил чужак. Его голос не был детским — в нём слышалась хрипая, злая и очень усталая интонация взрослого парня, хотя ростом он едва ли перерос саму Дибь. — Слышишь, девка? Руки убрала. На, забирай, подавись!

Он резко разжал пальцы. Кожанный кошель с тихим, тяжёлым звяканьем упал на засыпанные мукой половицы прямо между ними. Дибь даже не посмотрела вниз. Она продолжала крепко удерживать его за ворот грубой рубахи, чувствуя пальцами, как под тонкой тканью лихорадочно, как у пойманной птицы, бьется жилка на его шее.

— Как ты это сделал? — глухо спросила она, взглядываясь в его бледное лицо. — Там, в переулке. Ты ведь почти исчез. Стал как... как дым утренний.

Парень резко дернулся, попытавшись выкрутиться из её хватки, но Дибь держала крепко, намертво зафиксировав его плечи у мешка. В его глазах, помимо злости, мелькнул дикий, затравленный страх. Он испуганно покосился на тяжёлую входную дверь мельницы, словно проверяя, не заперта ли она.

— Тебе показалось, — буркнул он, отводя взгляд в сторону темных деревянных жерновов. — Туман на улице, вот и всё. Ничего я не делал. Отвали от меня, пока я тебе второе ребро не посчитал.

— Не ври мне, — Дибь слегка встряхнула его, заставив снова посмотреть на себя. — Обычный человек тебя там, у заборов, потерял бы. Но я не глазами тебя искала. Я чувствовала твой тёплый след.

Парень замер, перестав вырываться. Он прямо посмотрел на её исцарапанное лицо. Вся его наглая уверенность окончательно испарилась, уступив место полнейшему недоумению.

— Ты... ты видела меня, когда я ушёл в тень? — тихо, почти шёпотом переспросил он. — Быть не может. Старик говорил, что от этого морока защиты нет, если только... Ты кто вообще такая?

— Я местная, — отрезала девушка, чувствуя, как её собственное хищное чутьё постепенно угасает, возвращая миру обычные краски. — А вот тебя я в нашей деревне ни разу не видела. Как тебя зовут? И что ты тут забыл? Чужаков у нас сразу замечают.

Парень криво усмехнулся, но в этой усмешке не было радости. Только горечь.

— Какая тебе разница, как меня зовут? — огрызнулся он, попытавшись сплюнуть на пол, но губы у него пересохли от жажды. — Сдай меня старосте, если так чешется. Получишь свою награду — пару медных грошей. Мне уже всё равно.

Дибь внимательно всмотрелась в его лицо. Теперь, когда магия тумана полностью рассеялась, она заметила то, чего не видела в погоне. Под глазами чужака залегли глубокие черные тени. Кожа на скулах обтягивала кости так сильно, будто он не ел нормально уже неделю.

Ворот его рубахи был засален и порван, а на запястье, которое он пытался спрятать за спину, виднелся старый, багровый след от тугой веревки. Это не был вольный, зажравшийся городской карманник.

— Никого я звать не собираюсь, — тихо сказала Дибби, медленно разжимая пальцы и отпуская его ворот. — Если бы хотела сдать, кричала бы еще на улице. Твой морок... туман этот. Ты ведь едва на ногах стоишь. Тебя трясет.

Чужак недоверчиво потер шею, свободной рукой аккуратно поправив воротник. Он медленно опустился прямо на пол, прислонившись спиной к мешку с зерном, и обхватил колени руками. Его колючий, волчий взгляд стал тусклым.

— Кир меня зовут, — неохотно процедил он, уставившись на упавший кошель. — Из Айвика я. Был оттуда, пока три ночи назад к нам банда не нагрянула. Настоящее отребье с больших дорог. Они всю деревню подчистую сожгли, мужиков поубивали... Никого у меня не осталось, кроме...

Парень судорожно сглотнул, но тут же взял себя в руки, ожесточенно шмыгнув носом.

— Я бежал лесами через старые вырубки. Да только эти твари меня там и перехватили. Беглые каторжники, дезертиры... Всякий сброд. Заправляет ими дед хромой, Хаккон его кличут. Они меня поймали, и я со страху прямо у них на глазах в тумане растворился. Хаккон как это увидел — так аж затрясся от радости. Понял, какую ищейку и вора себе в лапы заполучил.

Кир поднял голову, взглянув на Дибби, и в его глазах проступила настоящая, глубокая безысходность.

— Этот старый хрен держит у себя мою младшую сестру, Энни. Ей всего десять. Он сказал: «Будешь на меня работать, малек. С твоим даром мы все лавки на тракте обчистим. А если вздумаешь сбежать или спрятаться в своем дыму — девчонке конец». Теперь они меня в соседние деревни посылают, высматривать, где что плохо лежит, да карманы чистить. А эта магия... туман этот... он как вошь голодная. Стоит мне скрыться хоть на минуту, как внутри всё пустеет, жрать хочется так, что зубы крошатся. Я у повозки твое серебро увидел, думал, выкуплю Энни у этого разбойника, и мы уедем подальше, к югу, к столице... А теперь... теперь ты меня поймала.

Дибби медленно опустила взгляд на засыпанный мукой пол. Кожаный кошель лежал между ними, тускло отблескивая медными люверсами. Она присела на корточки, подобрала мешочек с серебром и привычным движением затянула шнурок на поясе. Тринадцать серебряных монет снова были при ней, но радости это не принесло. Купить лук у купца не вышло, а чаща за рекой оказалась куда опаснее, чем она думала.

Она посмотрела на Кира. Парень сидел, сжавшись у мешка с овсом, и обреченно ждал решения. Он даже не пытался дергаться, понимая, что его истощенное тело больше не выдаст ни капли магии.

— Старосте я тебя не сдам, — тихо произнесла Дибби, расправляя плечи. — Но и серебро свое не отдам. Оно мне самой нужно. Мне лук отцовский вчера вепрь расколол, я в лес без оружия выйти не могу.

Кир горько усмехнулся, не поднимая головы:

— Ну и катись тогда к своему купцу... Чего расселась? Иди, сдавай меня, раз монеты дороже.

— Ты не дослушал, — оборвала его Дибби. В её глазах мелькнул жесткий, чисто охотничий огонек. — Твой Хаккон держит Энни на старых вырубках. Это в чащобе, за рекой. Я знаю те места. И ты говоришь, у них там полно барахла, которое они с тракта тащат?

Парень настороженно поднял на неё глаза, непонимающе нахмурившись:

— Ну. Целый склад в палатках. И оружие есть. Охотников грабили, патрули стороной обходили... А тебе-то что?

Дибби подошла ближе и протянула ему руку, помогая подняться с холодного пола:

— У разбойников точно есть хорошие луки. Наверняка найдется такой, который будет получше моего, вернее того, что от него осталось. Раз они тебя не видят, ты проберешься в их лагерь, найдешь этот лук и вынесешь его мне. А я помогу тебе вытащить Энни.

Кир ошеломленно уставился на её ладонь, ловя ртом воздух. Белая мучная пыль кружилась между ними, оседая на жесткой коже её нового доспеха.

— Ты... ты серьезно? — хрипло переспросил он, и в его голосе впервые проснулась робкая, отчаянная надежда. — Пойдешь против целой банды? Из-за лука?

— Из-за лука, — твердо повторила Дибби. — И из-за Энни. Хватит им хозяйничать у нашего дома. Но сначала мы пойдем к дедушке Брану. Твоя способность скрываться сожрала все силы, которых, видимо, и так было немного, тебя шатает. Дед тебя накормит, а ночью мы выступим.

Кир секунду колебался, а затем крепко пожал её руку. Сделка была заключена.

Глава 7

Сквозь тяжелые дубовые створки мельничных дверей донеслись приглушенные голоса. В деревне просыпались рано. Первые телеги, груженные зерном, уже поскрипывали по наезженному тракту, и люди направлялись сюда, к мукомолу. Посторонним здесь ловить было нечего.

— Уходим, живо, — шепнула Дибби, увлекая Кира за собой к неприметному боковому выходу у водяного колеса.

Когда они скользнули на улицу, утреннее солнце уже вовсе разогнало остатки ночного тумана. Воздух был удивительно чистым и прохладным, наперебой пахло сырой землей, прибитой росой крапивой и горьковатым ольховым листом. Река рядом шумела особенно громко, обдавая лицо водяной моросью.

Они двинулись низиной, прячась за раскидистыми кустами дикой малины, в сторону дома Брана. Дибби шла быстро, то и дело оглядываясь на бредущего следом парня.

У деревянного крыльца лачуги она велела Киру замереть за углами, у поленницы.

— Стой здесь и не высовывайся, — бросила она.

Дибби тихо толкнула дверь и вошла. Дед Бран сидел у стола, перебирая сушеные коренья, и, судя по его нахмуренному лицу, уже давно ждался внучку. Едва щелкнула щеколда, из-под лавки серым пушистым вихрем вылетел Сайгар. Котенок успел соскучиться по хозяйке. Сай с тихим утробным урчанием бросился к её ногам, принялся тереться о жесткие кожаные сапоги и преданно заглядывать в глаза.

— Ну наконец-то, — проворчал Бран, не поднимая головы. — Где лук?

Дибби наклонилась, быстро погладила Сая за ушком, чувствуя его мягкую шерстку, и замялась:

— Лук... там такая история, дед. Купец заломил цену. В общем, пока не купила.

Она попыталась аккуратно загородить собой дверной проем, надеясь потом вынести Киру еду в сени, но старого травника было не обмануть. Бран прищурился, посмотрел мимо внучки на полуоткрытую створку, за которой мелькнула чужая тень, и его густые седые брови поползли вверх.

— А ну, кто там у тебя за спиной прячется? — строго спросил старик, опираясь руками о стол. — Дибби, ты кого к дому притащила?

Ей пришлось неохотно сделать шаг в сторону и придумывать ложь на ходу:

— Да так... встретила у мельницы. Беженец какой-то. Голодный, едва на ногах стоит. Подумала, у нас ведь похлебка осталась...

— Беженец? — Бран нахмурился еще сильнее. — Так чего он у нашей поленницы жметя, как сын? Заходи давай, раз пришел.

Кир медленно переступил порог. Вид у него был затравленный: грязная рубаха, лицо в мучной пыли. Он настороженно поглядывал на Сая, который тут же выгнул спину дугой при виде незнакомца.

— Ты глянь на него, — покачал головой Бран, оглядывая парня с ног до головы. — В муке извалялся, бледный, руки дрожат. Из каких краев будешь, малец?

Кир покосился на Дибби, не зная, что говорить, и угрюмо буркнул:

— Из Айвика я. Кир.

— Из Айвика? — старик потер подбородок. — Далековато тебя занесло. И что, в Айвике нынче мода такая — в чужих амбарах валяться? А? Кир. — Бран осекся на полуслове. Его лицо резко изменилось. Ворчливая строгость вмиг сошла, уступив место тяжелому, пугающему оцепенению. В глазах старого травника промелькнула тень воспоминания — вчерашний слух, принесенный патрульными на тракт. Айвик сожгли. Сожгли подчистую три ночи назад.

Старик молча всматривался в исхудавшее, испачканное мукой лицо семнадцатилетнего парня. Бран понял всё. Перед ним стоял тот, кто чудом выжил в этой резне. Но старик и близко не догадывался, что проклятая банда Хаккона, уничтожившая Айвик, прямо сейчас окопалась на их старых вырубках, всего в нескольких верстах от их собственной деревни.

Дибби замерла, поймав этот тяжёлый взгляд деда. Она видела, что он всё понял про Айвик, но упрямо продолжала молчать о Хакконе и маленькой Энни. Охотница должна была решить это сама.

Бран тяжело, со свистом выдохнул, опустив плечи, и указал костяным ножом на широкую дубовую скамью у печи:

— Ладно... Садись к печи, парень. Дибби, подай ему кашу с мясом. Поесть ему надо. Видимо, набегался по лесам, совсем ослаб, вот его и шатает.

Кир молча опустился на край скамьи, все еще косясь на котенка. Сайгар, почуяв, что хозяева спокойны, потихоньку расслабился, подошел ближе и робко понюхал обсыпанный мукой сапог парня.

— Спасибо, — глухо процедил Кир, принимая от Дибби глиняную миску с горячей кашей.

Кир жадно, обжигаясь, хлебал горячее варево. Глиняная ложка мерно стучала о края миски. Дед Бран, стараясь не смущать парня пристальным вниманием, вернулся к столу и преувеличенно громко зашуршал сухими листьями ромашки, хотя его взгляд то и дело возвращался к согнутой спине чужака. В избе пахло сытным мясным паром и горьким дымком.

Сайгар тем временем окончательно освоился. Поняв, что от обсыпанного мукой гостя опасности нет, он вдруг замер, уставившись на завязку доспеха Дибби, которая покачивалась у самой земли. Круглые голубые глаза котёнка расширились, зрачки превратились в две огромные чёрные монеты, а задние лапы начали мелко и утомительно перебирать по полу.

— Это... барс, что ли? — глухо спросил Кир, не отрываясь от миски. — Настоящий? На юге континента про таких только сказки рассказывают. Говорят, они в горах Острума людей заживо жрут.

— Наш Сай никого не жрёт, — улыбнулась Дибби, присаживаясь на край скамьи. — Он ещё маленький. Я нашла его в лесу после налёта вепрей. Он сирота. Как...

Она осеклась, едва не сболтнув лишнего, но Кир, увлечённый кашей, кажется, не заметил заминки.

В эту секунду завязка на жилете Дибби качнулась сильнее. Сай не выдержал. Издав короткий, восторженный «мявк», он пружинкой взвился в воздух, пролетел добрый метр и вцепился передними лапами в кожаный ремешок. Хватка сорвалась. Потеряв равновесие, пушистый комок кубарем покатился по полу, врезался боком в плетёную корзину с пустой берестой и, перепугавшись собственного шума, устроил самый настоящий погром.

Кота словно подменили. Мальши Сайгар врубил бешеное ускорение. С диким пробуксовыванием лап по гладким половицам он взлетел на сундук, оттуда коршуном прыгнул на широкую скамью, едва не перевернув банку со снадобьями Брана, и пулей унёсся в тёмный угол за печью. Через секунду оттуда показалась его взъерошенная серая морда с шальными глазами, после чего барс снова сорвался с места, боком нарезая круги по комнате.

Дибби не выдержала. Напряжение последних суток, страх за серебро, погоня, боль в рёбрах — всё это вдруг выплеснулось наружу громким, залихватистым смехом. Она закрыла лицо ладонями, плечи её подрагивали, а сквозь пальцы прорывался чистый, девчоночий хохот, какого Бран не слышал от неё с самого исчезновения отца.

— Сай, прекрати! А ну тихо, глупый! — сквозь смех выдавила она, пытаясь поймать пролетающий мимо серый вихрь.

Кир замер с поднятой ложкой. На его бледном лице, испачканном мукой, впервые за всё время проступило подобие растерянной, но тёплой улыбки. Парень удивлённо переводил взгляд с безумного котёнка на смеющуюся охотницу, и его плечи наконец перестали судорожно под-

жиматься к ушам. Тяжёлая тень Айвика на мгновение отступила, уступая место обычному утру в тёплом деревенском доме.

Дед Бран тихонько хмыкнул в усы, качая головой. Старик подошёл к очагу, взял пустой чугунок и, хитро прищурившись, посмотрел на внучку:

— Расшумелись, кошацье племя... Пойду-ка я к колодцу, воды свежеей наберу. А вы тут присмотрите за домом. И чтоб без прыжков на стол, ясно тебе, Сай?

Потом Бран остановился, обернулся, смерил Кира долгим, критическим взглядом и поморщился, забавно подергав густыми седыми бровями.

— Вот что, вояка, — Бран постучал костяным ножом по деревянному косяку. — Кашу ты съел, утробу порадовал. Теперь марш в сени, там кадка со свежеей водой и чистая ветошь. Смой с себя эту муку да грязь лесную. Разит от тебя как от старого барсука. У меня в избе порядок быть должен, ясно?

Кир от неожиданности аж поперхнулся последней ложкой. На его бледных щеках сквозь слой белой пыли проступил густой румянец.

— Эм! Что? — закашлялся он, поспешно вытирая рот рукавом грязной рубахи. — Да нормальный от меня запах! Чего сразу барсук-то?

— А ну без дерзостей мне тут! — шутливо пригрозил дед чугуном. — Смой грязь, говорю. Дибь, выдай ему старую холицовую рубаху из сундука, она ему как раз впору будет.

Дверь за стариком со скрипом захлопнулась. Под лавкой тут же раздалось короткое, обиженное «Мр-рук!». Сайгар, решив, что последнее предупреждение деда было несправедливым, сердито фыркнул и закопался носом в Дибьины сапоги.

Дибь снова тихонько прыснула в кулак, глядя на взъерошенного, недовольного Кира. Она поднялась, собираясь пойти к сундуку за сменной одеждой, но стоило ей сделать резкое движение, как ушибленный бок снова пронзила резкая, горячая боль.

— Ойх!.. Кхы-ы... — глухо выдохнула охотница, мгновенно согнувшись пополам и хватаясь рукой за жесткие кожаные полосы нового жилета. В глазах на секунду потемнело.

— Эй, ты чего? — Кир резко подскочил со скамьи, едва не перевернув пустую миску. Весь его колючий вид вмиг испарился, уступив место настоящему испугу. — Сильно прилетело?

— Нормально... — Дибь медленно, со свистом выдохнула сквозь зубы, постепенно выпрямляясь. — Еловый корень... Вчера вепрь на полной скорости в бок впечатал. Жилет-то я сегодня купила, да только рёбра под ним всё равно отбиты [INDEX]. Двигаться больно.

Парень сочувственно покачал головой, переводя взгляд с её зажато бока на закрытую дверь сеней.

— Ну ты и бешеная, — тихо, но уже без прежней злости пробормотал он, шмыгнув носом. — С такими ранами за мной по всей деревне ломиться... Ладно. Давай сюда свою рубаху. Пойду я... смою муку, раз твой дед такой чистоплотный. А то ещё выставит за порог.

Кир забрал холицовую рубаху отцовского размера, которая оказалась ему слегка великовата в плечах, и скрылся за дверью сеней. Вскоре оттуда донесся гулкий плеск холодной воды из кадки и его приглушенное, прерывистое «Бр-р-р! Ну и ледяная!».

Дибь осторожно, стараясь лишний раз не тревожить ноющий бок, опустилась на лавку и прислонилась головой к бревенчатой стене. Усталость навалилась на неё свинцовой плитой. Бессонная ночь в тайге, встреча с неведомой силой, покупка брони, бешеная погоня на грани сил — её тело буквально молило о покое. Охотница отчетливо понимала: соваться на вырубку к Хаккону прямо сейчас, когда солнце стоит в зените, а в груди при каждом глубоком вздохе колет раскаленная игла, — чистое безумие.

— Нужно поспать, — тихо прошептала она самой себе. — Хотя бы до вечера. В сумерках будет проще.

Сайгар, словно почувствовав смену её настроения, запрыгнул на скамью, мягко ступая лапами. Он издал короткое, ласковое «Мр-ря?» и свернулся клубочком у неё под боком, делясь

своим живым, пушистым теплом. Дибби прикрыла глаза, проваливаясь в тяжёлый, чуткий сон без сновидений.

...Когда она открыла глаза, в маленькое оконце лачуги уже вовсю заползли багрово-серые вечерние тени. В избе было тихо. Дед Бран тихонько посапывал на печи, утомлённый дневными заботами. Кир, уже чистый, в рубаше с подвернутыми рукавами, сидел на полу в углу, сосредоточенно поглаживая Сая за ухом. Котёнок довольно щурился, вытянувшись во весь рост, и тихонько тарахтел на всю комнату.

Дибби аккуратно поднялась. Рёбра всё ещё саднили, но тупая, изнуряющая боль утихла, сменившись терпимым онемением. Время пришло.

Она молча переглянулась с Киrom. Парень мгновенно всё понял без слов — его волчий, настороженный взгляд снова стал собранным. Он аккуратно убрал руку от кота и поднялся.

Дибби подошла к верстаку, где на деревянной стойке покоились её охотничьи приспособления. Лук был сломан, но её верный, проверенный временем нож в тяжёлых кожаных ножнах был на месте. Она перехватила ремень, привычным, до автоматизма отработанным движением закрепила его на поясе, прямо поверх новой брони, и проверила, легко ли клинок выходит из гнезда. Тихое, хищное звяканье стали отозвалось в груди приятным холодком.

— Сай, ко мне, — едва слышно позвала она и похлопала себя по ноге.

Маленький барс мгновенно подобрался и без лишних звуков замер у её левой ноги, преданно задрал мордочку. Дибби мягко толкнула входную дверь, стараясь не скрипеть петлями.

Прохладный вечерний воздух деревни сразу ударил в лицо. Деревня постепенно погружалась в сизые сумерки, из редких окошек загорались лучины, а со стороны недалекого леса уже потихоньку напелзал первый, едва заметный ночной туман. Идеальное время для двух подростков, у которых появились свои опасные секреты.

— Ну что, проводник, — Дибби повернулась к Киру, поглубже натягивая капюшон плаща. — Веди к своим вырубкам. Посмотрим, что за луки прячет твой Хаккон.

Кир молча кивнул, его фигура в наступающих сумерках на мгновение пошла легкой, едва заметной дымчатой рябью, и они вместе бесшумно скользнули за поленницу, направляясь в сторону темнеющей лесной стены.

Глава 8

Лес встретил их оглушительной ночной тишиной. Каждый шаг по палой хвое казался предательски громким, заставляя замирать и прислушиваться к шорохам чащи. Сумерки сгустились мгновенно, превращая знакомые Дибби с детства силуэты деревьев в уродливые, горбатые тени. Обещанный ночной туман не заставил себя ждать — он выползал из низин равными белёсыми полосами, приятно холодил лицо и пах прелой листвой, сыростью и близкой большой рекой.

Кир двигался чуть впереди, но его постоянно косило в сторону. Было видно, что парень напуган до чёртиков. Стоило где-то в вышине глухо ухнуть ночной птице, как он испуганно вздрагивал и едва не падал, путаясь в полах чуть великоватой рубахи.

— Пф-ф-ф! — вдруг выдал Сайгар, резко застыв на месте и вздыбив шерсть на загривке.

Маленький барс уставился в темноту между двух старых корявых елей и грозно, по-змеиному зашипел, защищая хозяйку.

— Тихо, Сай... Назад, — Дибби мгновенно опустилась на одно колено, придерживая котёнка ладонью за тёплую, подрагивающую спину.

Правый бок тут же отозвался знакомым тупым «ойхом», заставив её до боли прикусить губу. Охотничье чутье, обострившееся после странных ночных событий в тайге, тут же подсказало: там, впереди, никого опасного нет. Обычный старый пенёк, обросший мхом, показался мелкому хищнику чудовищем.

— Да ёп! — Кир от неожиданности подпрыгнул на месте, едва не налетев спиной на раскидистые еловые ветки. — Вы чего пугаете? У меня чуть сердце через горло не выскочило! Шлепаете как призраки!

— Под ноги смотри, призрак, — шёпотом огрызнулась Дибби, медленно поднимаясь и поправляя ножны. — Дальше тропа пойдёт круто вниз, к старому ручью. За ним как раз и начинаются эти вырубки. Хаккон выставил там дозоры?

Кир судорожно сглотнул, оглядываясь на наползающий туман. Его пальцы заметно дрожали.

— К-конечно выставил, — заикаясь от страха, прошептал парень. — У поваленного моста через ручей всегда двое дежурят. С факелом сидят в шалаше, рожки свои греют, кашу трескают. Обычный человек мимо них ни за что не проскочит... Но я проскочу. Туман уже густой, самое время для моего дела.

Дибби внимательно посмотрела на него. В серых сумерках его худощавое лицо казалось совсем бледным.

— Сможешь уйти в скрытность? Силы есть? — тихо спросила она, проверяя, легко ли клинок выходит из гнезда.

— Нет, — Кир резко мотнул головой, хватая Дибби за локоть. Его пальцы дрожали, но взгляд был твердым. — В скрытность я сейчас не пойду. Силы пригодятся там, в лагере. Эти двое у моста меня знают. Если я приду один и без добычи, они меня изобьют. Пошли прямо так. Сделаем вид, что я поймал тебя в лесу.

Дибби на секунду замерла, оценивая риск. Конечно, план был безумным, но в нем была логика. Она поудобнее перехватила рукоять охотничьего ножа, спрятанного в складках плаща, и коротко кивнула:

— Ладно. Сай, назад. Сидеть тихо, — едва слышно командовала она котенку. Маленький барс просто смотрел на нее. — Да назад же! — Дибби махнула рукой в сторону. Барс постоял и нехотя скользнул в густую траву у старой ракиты, превратившись в незаметный серый комок.

Они вышли из лесной тени и направились прямоком к поваленному мосту. Желтый свет факела, закрепленного на шалаше, резал набегающий туман. Двое разбойников сидели на бревнах у костра. Один, постарше, с гнилыми зубами и шрамом на подбородке, помещивал варево в котелке. Второй, молодой и прыщавый, точил ржавый тесак.

При звуке шагов оба мгновенно вскинули головы. Прыщавый ухватился за оружие, но, разглядев Кира, расслабился и сплюнул в костер.

— Опача, глянь-ка, малек вернулся! — загоготал гнилозубый, поднимаясь на ноги. — Живой, пустота его дери. Хаккон уже думал, что ты в лесу сдох или сбежал. Ну чё, принес серебришко?..

Договорить он не успел. Его взгляд переместился за спину Кира, на фигуру Дибби в капюшоне. Разбойники переглянулись, и на их грязных рожках расплылись мерзкие, сальные улыбки. Бояться девчонки в приграничном лесу им и в голову не пришло.

— Ого... Да тут у нас маленькая красотка! — прыщавый резво поднялся, облизывая пересохшие губы. — Хаккон, конечно, ждал монеты, но за такую добычу точно подзатыльник не даст.

Бандиты подошли вплотную, обдавая Дибби кислым запахом пота и дешевого лукового варева. Гнилозубый бесцеремонно протянул грязную ручищу, собираясь сорвать с неё капюшон.

— А что тут у нас делает такая малышка? — приторно-ласковым, вызывающим тошноту голосом заговорил он, наклоняясь к её лицу. — Одна в ночной чаще... А где твои мама с папой, а?

Слово «папа» ударило Дибби наотмашь. Внутри, в самой глубине груди, мгновенно поднялась волна бешеного отвращения и ярости. Они посмели вспомнить про самое родное. Про отца, которого она потеряла. Мать то она не знала. Папа говорил, что она умерла, как только родила, и ему вместе с одной бабкой, которой уже давно нет, пришлось растить дочь.

Мир вокруг словно замедлился. Дибби не стала кричать или сомневаться. Всё произошло моментально, на чистых охотничьих инстинктах.

Левой рукой она наотмашь, с силой впечатала в лицо гнилозубого, намертво зажимая ему рот и нос ладонью, а правой — выхватила нож. Сталь свистнула в полумраке. Одним жестким, точным движением Дибби снизу вверх вогнала широкий охотничий клинок разбойнику прямо в горло. Две руки сработали синхронно.

У бандита дико, до предела расширились глаза. Он попытался закричать, выдать хоть какой-то звук, но из-под её ладони донеслось лишь глухое, булькающее похрипывание.

Второй разбойник опешил. Его мозг просто отказывался понимать, как деревенская девка за секунду зарезала его матерого кореша. Он судорожно открыл рот, собираясь заорать на весь лес и поднять лагерь, но Кир сработал безупречно. Поняв, что медлить нельзя, парень бросился прыщавому прямо в ноги, увлекая его за собой на сырую землю.

— Не смей орать, гниль! — прорычал Кир, наваливаясь на него всем весом и пытаясь перехватить руку с тесаком.

Бандит яростно упирался, пачкаясь в глине, но тут над ними выросла тень Дибби. На её щеке горела чужая теплая кровь, а взгляд был абсолютно пустым и холодным. Охотница занесла нож и со всего маху, без капли жалости, всадила клинок второму разбойнику прямо в сердце.

Тело прыщавого под Киrom дернулось в последний раз, обмякло и затихло. В лесу снова воцарилась тишина, нарушаемая только глухим шумом ручья.

Они оттащили тяжелые, обмякшие тела разбойников в густые заросли прибрежной крапивы. Дибби на ходу вытерла окровавленный клинок о траву и вернула нож в ножны. Её руки не дрожали, но сердце в груди колотилось как безумное.

Они бесшумно миновали полосу темного ельника и затаились за поваленным стволом старой сосны. Впереди открывался вид на старые вырубки. Лагерь Хаккона расположился на просторной прогалине, окруженной черной стеной леса. Дибби прижалась к коре дерева, которая еще таила небольшой кусочек дневного тепла. Лес для неё всё-таки был вторым домом.

Сейчас её зрение работало безупречно. В полумраке она четко разглядела силуэты палаток и сваленные в кучу у костра сундуки, тюки и бочки — награбленные трофеи с тракта. Возле затухающего огня дремали бандиты. Из самой крупной палатки доносился тяжёлый, раскатистый храп.

— Жди здесь, — одними губами шепнул Кир. — Я за луком.

Парень сделал глубокий вдох, закрыл глаза и ушел в скрытность. Сизый туман окутал его, и через секунду перед Дибби осталась лишь пустая трава. Охотница затаила дыхание, вглядываясь в скопление трофеев.

Несколько минут тянулись как вечность. Дибби видела лишь слабое, размытое тепловое колебание воздуха, перемещавшееся между сундуками. Вдруг из темноты донесся отчетливый, сухой стук — Кир, копаясь в куче чужого оружия, задел плечом связку тяжёлых железных секир. Звук показался Дибби оглушительным. Один из спящих у костра разбойников беспокойно заворочался и что-то пробормотал во сне. Сердце Дибби пропустило удар, пальцы судорожно сжались на рукоятки ножа, а правый бок мгновенно отозвался тупым, горячим «ойхом» от страшного напряжения. Но бандит перевернулся на другой бок и снова захрапел. Обошлось.

Воздух рядом снова пошел рябью, и из тумана соткался Кир. В его руках был потрясающий, длинный лук из ясеня, усиленный роговыми пластинами — он был на голову лучше её старого, сломанного оружия. Да, это то, что ей нужно. Этот лук упругий, прочный и хорошо держит форму.

— Прозрачная балда, у меня чуть сердце не встало, пока ты там гремел, — выдохнула Дибби, принимая драгоценный трофей. Она ласково провела пальцами по идеальной тетиве. — Так, ладно... Стоп. А стрелы?

Кир ошеломленно округлил глаза. Его бледное лицо вытянулось.

— Твою ж ёп... — одними губами выругался парень, хватаясь за голову. — Мы же стрелы не взяли!

— Иди назад, — жестко шепнула Дибби, перехватывая лук. — Без стрел эта палка бесполезна. И не шуми больше!

Парень снова растворился в дымке. На этот раз удача отвернулась от них. Скрытность Кира из-за дикой усталости и паники дала сбой прямо посреди лагеря. Пытаясь нащупать кожаный колчан, он с грохотом перевернул тяжёлый деревянный ящик с коваными углами. Звук разорвал ночную тишину.

— Тревога! Вор в лагере! — истошно заорал один из бандитов, мгновенно подпрыгивая с земли. — А ну лови его! Костры раздувайте!

Лагерь взорвался криками. Бандиты выскакивали из палаток, хватаясь за топоры и факелы. Вспыхнувший свет костра начал безжалостно резать туман, выбивая Кира из его скрытности. Парень, тяжело дыша, рванул назад к сосне, сжимая в руке колчан. Из его груди вырвался отчаянный, дикий крик:

— Дибби, лови!

Он со всего маху швырнул колчан вперед, и Дибби перехватила его на лету. В ту же секунду Кир на бегу резко развернулся к ней:

— Нож дай! Твой охотничий нож! Я за Энни, она в шалаше у палатки главаря!

Дибби моментально выхватила клинок из ножен и бросила его Киру. Кир поймал брошенный нож за рукоять, развернулся и бросился к шалашу, где за досками испуганно кричала

десятилетняя Энни. Но дорогу ему преградила гигантская тень. Из главной палатки, на ходу затягивая ремень с тяжелой кованой пряжкой, вывалился сам Хаккон. Огромный, свирепый, с густой спутанной бородой и уродливым ирамом через всю щеку. В его правой руке тускло отблескивала широкая секира на длинном топорище.

— Ах ты мелкая гнида! — взревел главарь, разглядев Кира в свете разгорающегося костра. — Решил мою добычу увести? Я ж тебе хребет ломать по кусочкам буду!

Хаккон шагнул вперед и с глухим коротким замахом обрушил секиру сверху вниз. Кир в самый последний момент успел прыгнуть в сторону, распластавшись на сырой траве. Тяжелое лезвие с мерзким хрустом вошло глубоко в землю прямо там, где секунду назад были его ноги. Земля взметнулась фонтаном.

— Тво... ж... — выкрикнул Кир, перекатываясь через плечо. Он вскочил на ноги, тяжело дыша, и поудобнее перехватил охотничий нож. Рукав рубахи уже был распорот, на предплечье сочилась первая кровь.

В этот момент два бандита покрупнее, видимо приближенные Хаккона, попытались обойти парня сбоку, чтобы зажать в кольцо. Но Дибби с позиции у сосны контролировала поле боя. Свист! Первая стрела насквозь пробила горло одному из нападавших. Бандит захлебнулся криком и повалился в костер, поднимая тучу искр. Свист! Вторая стрела вошла точно под лопатку второму, заставив его рухнуть носом в грязь.

— Тварь! Откуда стреляют?! — заорал Хаккон, но взгляда с Кира не свел. Он резко дернул секиру из земли и сделал обманный выпад. — Чё ты сделаешь этим обрубок, щегол? Твоя девка всех не перещелкает!

— Я сделаю то, что должен был сделать еще в Айвике, мразь! — прорычал Кир. Страх пропал, уступив место глухой, бешеной ярости парня, у которого отобрали всё.

Он ринулся вперед, пытаясь под нырком сократить дистанцию и достать ножом до живота гиганта. Но Хаккон был слишком опытным бойцом. Он перехватил секиру двумя руками и наотмашь ударил обухом. Удар пришелся Киру прямо в ключицу. Раздался отчетливый, страшный хруст ломающейся кости. Парень охнул и отлетел назад на три шага рухнув на спину. В глазах у него поплыли кровавые круги, левая рука мгновенно плетью повисла вдоль тела.

— Кир! — отчаянно закричала Дибби со своего укрытия, накладывая на тетиву новую стрелу. От собственного крика ее, не зажившие до конца раны, обожгло адской болью, но она не опустила лук.

Хаккон медленно, тяжело ступая сапогами по грязи, подходил к лежащему подростку. Он занес секиру над головой для финального удара.

— Молись своему туману, щенок, — осклабился главарь, утирая пот со лба. — Твоя девка следующая.

Превозмогая дикую, парализующую боль в сломанной ключице, Кир зубами ухватил воротник рубахи, чтобы не потерять сознание. Правой, уцелевшей рукой он всё еще намертво сжимал нож Дибби. Когда тень Хаккона накрыла его, парень резко, из последних сил выкинул ноги вперед, нанося хлесткий удар грязным сапогом прямо по коленной чашечке гиганта.

Сустав Хаккона с влажным треском вывернулся в обратную сторону. Главарь взвыл от неожиданной боли и рухнул на одно колено, теряя равновесие. Секира выпала из его пальцев.

Это был единственный шанс. Кир, хрипя от боли, рванулся вперед всем телом, наваливаясь на падающего бандита сверху. Правая рука с охотничьим ножом взметнулась в воздух и со всего маху, по самую рукоять, погрузилась в основание шеи Хаккона, прямо над ключицей.

Главарь замер. Его огромные руки судорожно схватили Кира за плечи, пальцы до синяков впились в ткань рубахи, но сила быстро покидала его тело. Глаза Хаккона остекленели, изо рта хлынула темная кровь, и он тяжело повалился боком на окровавленную траву, увлекая парня за собой.

— Энни... — прохрипел Кир, утыкаясь лицом в землю рядом с мертвым врагом. Сил подняться самостоятельно у него больше не было.

У Дибби почему то в колчане оставалась всего одна, последняя стрела. Видимо, часть стрел не долетела с колчаном, либо их просто не было. Пальцы на тетиве дрожали от изнеможения, правый бок горел огнем. Кольцо врагов сжималось. Их лица, испачканные грязью и кровью, перекосила глухая, животная злоба. Они видели, что девочка осталась одна, а воршика Кир неподвижно лежит у тела Хаккона.

— Ну всё, тварь, отстрелялась! — прорычал ближний бандит, перехватывая тяжелый палаши двумя руками.

Дибби стиснула зубы, готовая выпустить последнюю стрелу прямо в лицо ублюдку и встретить удар, как вдруг...

Лесная чаща прямо за спинами разбойников с треском взорвалась. Из густого ночного тумана серым пушистым вихрем вылетел Сайгар. Маленький барс издал такой оглушительный, яростный «Мр-ря-а-а!», какого Дибби от него никогда не слышала. Сай с ходу прыгнул на загривок замыкающему бандиту, впиваясь когтями в его грязную куртку и заставляя того дико заорать от неожиданности.

А в следующую секунду из кустов лавиной хлынули люди. Десятки пылающих факелов разом разрезали ночную тьму, заливая вырубку зловещим багровым светом. Впереди всех с тяжелой железной кочергой наперевес бежал дед Бран. Его седая борода развевалась, а лицо было бледным от ярости.

— А ну пошли прочь от неё, гниды лесные! — зычно, во всю глотку взревел старик. — Руби их, мужики!

За его спиной с яростными криками выкатился деревенский отряд. Мужики, вооруженные вилами, тяжелыми охотничьими рогатинами и топорами, не стали сомневаться ни секунды. Для приграничных жителей, у которых эти твари сожгли соседей, разбойники были хуже бешеных волков.

Бандит, на котором висел Сай, даже не успел развернуться — тяжелые кованые вила кузнеца с ходу пробили ему грудь, пригвоздив к сырой земле. Остальные уцелевшие налетчики, увидев разъяренную толпу с факелами и труп своего непобедимого главаря Хаккона у шалаша, мгновенно растеряли всю свою спесь. Они в ужасе бросили оружие и попытались нырнуть обратно в чащу, но деревенские охотники настигли их в три счета.

Дибби обессиленно опустила лук, чувствуя, как ноги подкашиваются. Тетива сорвалась без выстрела. Силы окончательно покинули её, но она упрямо заставила себя сделать шаг вперед.

— Кир... — прохрипела она, зажимая бок рукой.

Парень всё еще лежал на животе в грязи, тяжело и прерывисто дыша. Его левая рука со сломанной ключицей неестественно подвернулась, а правая по-прежнему намертво сжимала её охотничий нож. Из маленького деревянного шалаша у палатки Хаккона высунулась бледная, заплаканная мордашка десятилетней девочки. Энни, дрожа всем телом, смотрела на окровавленное месиво вокруг.

— Братик! Кира! — тонко, истошно закричала малышка, выбираясь из укрытия и падая на колени рядом с ним.

Дибби доковыляла до них первой и тяжело опустилась на колени прямо в затоптанную траву. Сайгар тут же подбежал к ней, преданно ткнул мокрым носом в ладонь и издал тихое, успокаивающее «Мр-рук».

— Живой он, мелкая, живой... — Дибби аккуратно разжала намертво сведенные судорогой пальцы Кира, забирая свой окровавленный нож, и перевернула парня на спину. Тот слабо застонал, приоткрывая глаза.

— Получилось?.. — едва слышно выдохнул Кир, утыкаясь взглядом в плачущую сестру. На его лице сквозь грязь и копоть проступила слабая, вымученная улыбка.

— Получилось, прозрачная твоя балда, — с трудом улыбнулась в ответ Дибби, чувствуя, как к горлу подступает комок. — Энни жива.

Над ними выросла тяжелая тень деда Брана. Старик тяжело дышал, опираясь на кочергу, его взгляд метался от окровавленного трупа Хаккона к сломанной ключице парня. Бран сурово посмотрел на внуку, но в его глазах вместо злости была лишь дикая, родительская гордость и облегчение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.